

Н. А. Марченко

Литургические особенности закладки и освящения храма в Русской Церкви XVI–XVII вв. по данным архиерейских храмозданных грамот из архива Соловецкого монастыря

УДК 271.1-523-9+930.2

DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_180

EDN JDCFZB

Аннотация: Статья посвящена изучению литургического содержания уникального источника — храмозданных (благословенных) грамот, выдававшихся русскими архиереями в случае предстоящей закладки и освящения церкви. На основании предписаний архиереев, содержащихся в храмозданных грамотах из архива Соловецкого монастыря, реконструируется практика совершения чинов закладки и освящения храма в Русской Церкви XVI–XVII вв. Автором проанализировано историческое развитие свода архиерейских предписаний, находящихся в храмозданных грамотах, а также проведено их сравнение с указаниями Третьяка. Выявлены бытовавшие в Русской Церкви XVI–XVII вв. традиции, связанные с освящением храма, не нашедшие отражения в богослужебных книгах. Наиболее яркой из них является обязательное служение сорокоуста в новоосвященном храме. Автором также прослежена связь указаний храмозданных грамот с книжной справой и деятельностью церковных соборов второй половины XVII столетия.

Ключевые слова: Русская Церковь, Соловецкий монастырь, храмозданная грамота, патриарх, архиерей, игумен, храм, богослужебные книги, освящение.

Об авторе: **Никита Алексеевич Марченко**

Аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

E-mail: nikitamar@outlook.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3439-3258>

Для цитирования: Марченко Н. А. Литургические особенности закладки и освящения храма в Русской Церкви XVI–XVII вв. по данным архиерейских храмозданных грамот из архива Соловецкого монастыря // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 180–189.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2022

Nikita A. Marchenko

Liturgical Specifics of the Founding and Consecration of the Temple in the Russian Church in the 16th – 17th Centuries According to the Episcopal Charters from the Archive of the Solovetsky Monastery

UDK 271.1-523-9+930.2

DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_180

EDN JDCFZB

Abstract: The article is devoted to the study of the liturgical content of a unique source: temple-consecration charters issued by Russian bishops in the event of the forthcoming founding and consecration of a church. On the basis of the prescriptions of the bishops, contained in the church-building charters from the archives of the Solovetsky Monastery, the practice of performing the rites of laying the foundation and consecrating the church in the Russian Church of the 16th–17th centuries is reconstructed. The author analyzes the historical development of the set of hierarchal prescriptions found in the church charters, and also compares them with the instructions of the Trebnik. Traditions associated with the consecration of the temple that existed in the Russian Church of the 16th–17th centuries not reflected in the liturgical books are revealed. The most striking of them is the obligatory service of forty liturgies in the newly consecrated church. The author also traced the connection between the indications of church-building charters with the books and the activities of church councils in the second half of the 17th century.

Keywords: Russian Church, Solovetsky Monastery, church-building charters, patriarch, bishop, abbot, Church, liturgical books, consecration.

About the author: **Nikita Alexeevich Marchenko**

Postgraduate student of Lomonosov Moscow State University.

E-mail: nikitamar@outlook.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3439-3258>

For citation: Marchenko N. A. Liturgical Specifics of the Founding and Consecration of the Temple in the Russian Church in the 16th – 17th Centuries According to the Episcopal Charters from the Archive of the Solovetsky Monastery. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 4, pp. 180–189.

Изучение архиерейских храмозданных грамот¹ началось в последней четверти XIX в. Одними из первых на этот важный источник обратили внимание Н. В. Покровский и Н. В. Султанов, отметившие содержащийся в храмозданных грамотах XVII в. запрет церковных иерархов на строительство шатровых храмов [Покровский, 1885, 1–34; Султанов, 1887, 66–67]. В те же годы появились отдельные публикации архиерейских храмозданных грамот, сопровождаемые историческими комментариями публикаторов. Так, А. П. Барсуковым были опубликованы храмозданные грамоты церквей, находившихся в вотчинах, принадлежавших роду Шереметевых [Барсуков, 1883, 242; Барсуков, 1884, 274]. Архимандрит Леонид (Кавелин) — настоятель ставропигиального Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, при составлении его исторического описания опирается на тексты храмозданных грамот русских патриархов, обнаруженных им среди прочих документов в монастырском архиве [Леонид Кавелин, 1876, 746–756].

Наиболее ценной публикацией этого периода является сборник храмозданных грамот Вятской епархии, до сих пор являющийся наиболее репрезентативной подборкой этого рода документов (Сборник, 1914).

Советский период оказался наименее продуктивным в исследовании церковных документов. По идеологическим причинам храмозданные грамоты как ярко выраженный церковный источник мало интересовали советских ученых. Тем не менее гипотеза Н. В. Покровского и Н. В. Султанова о запрете патр. Никоном строительства шатровых храмов, выдвинутая на основании изучения архиерейских храмозданных грамот, была полностью принята советским искусствоведом М. А. Ильиным и нашла свое отражение в фундаментальном издании «История русского искусства» [Ильин, 1959, 153–216].

Начиная с 1980-х гг. интерес к храмозданным грамотам в научной среде обнаружился вновь в контексте возобновившейся дискуссии вокруг запрета постройки шатровых церквей в XVII столетии. Среди исследователей, посвятивших свои труды этой проблематике, следует отметить И. Л. Бусеву-Давыдову [Бусева-Давыдова, 1989, 279–308], О. А. Фёдорову [Фёдорова, 2005, 225–235], Д. Ф. Полознева [Полознев, 2008, 6–27], С. В. Заграевского [Заграевский, 2017, 33–34]. Были осуществлены и новые публикации храмозданных грамот [Черкасова, 2005, 132–146; Лифшиц, 2010, 341–344]. Однако большинство исследователей использовали патриаршие и архиерейские храмозданные грамоты в основном как ценный материал по истории русской архитектуры и церковного искусства, не касаясь других важных аспектов этого многопланового источника.

К сожалению, до настоящего времени учеными только фрагментарно исследован литургический аспект храмозданных грамот. Например, в монографии прот. Константина Никольского дан анализ содержащихся в храмозданных грамотах указаний относительно хранения старых антиминсов и доставки новых к месту освящения церкви [Никольский, 1872]. В работе А. Л. Лифшица «И постави церковь» говорится «о строительстве и освящении храма в Древней Руси» [Лифшиц, 2010, 341–344]. Однако данная статья представляет собой лишь публикацию одной храмозданной грамоты XVII в., снабженную комментариями самого общего характера, без глубокого обращения к вопросам литургии.

На наш взгляд, архиерейские храмозданные грамоты являются документами, тесно связанными именно с литургической жизнью Русской Церкви, и могут рассматриваться как ценный источник по истории развития русского богослужения. Храмозданные грамоты содержат уникальные сведения о реальной практике закладки и освящения храма в исследуемый период. Имеющиеся в них предписания архиереев

¹ Храмозданные грамоты — особый вид архиерейских грамот, фиксирующий в письменной форме благословение епархиального архиерея на постройку, ремонт или освящение церкви. У данного вида архиерейских грамот в настоящий момент нет общепринятого названия. В разных публикациях они называются как «храмозданными», так и «благословенными». В настоящей работе оба наименования употребляются как равнозначные.

клирикам к совершению этих богослужебных чинов и других связанных с ними действий существенно дополняют собой указания Требника. Всесторонний анализ литургических указаний, содержащихся в храмозданных архиерейских грамотах XVI–XVII вв., ставит своей исследовательской задачей автор настоящей статьи.

Источниковую базу статьи составили архиерейские храмозданные грамоты, сохранившиеся в архиве Соловецкого монастыря. Самая ранняя из них датируется мартом 1590 г., наиболее поздняя — 1759 г. Подлинники этих документов находятся в отделе рукописей Музеев Московского Кремля (ОР ММК) и в настоящее время недоступны для исследователей. Копии с оригиналов хранятся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ) в Санкт-Петербурге.

В ходе написания статьи нами была использована копия книга архиерейских грамот (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479), составленная при архимандрите Соловецкого монастыря Досифее (Немчинове), управлявшем обителью с 1826 по 1836 гг. В копиях книги переписчиками XIX столетия каждой архиерейской грамоте был дан номер. В некоторых случаях, ради удобства статистического анализа и наглядности, в тексте статьи мы будем ссылаться на эти номера, а не на листы копиях книги.

Наиболее ранней известной в настоящий момент архиерейской грамотой, которая может быть отнесена к числу храмозданных, является грамота митр. Фотия прп. Павлу Обнорскому (†1429), которую следует отнести к XV в. Точная дата ее написания неизвестна. Издателями «Русской исторической библиотеки» она была озаглавлена как «Благословенная грамота Митрополита Фотия иноку Павлу (Обнорскому) на устроение монастыря и освящение в нем церкви, с увещанием братии о соблюдении иноческих обетов». Среди прочего эта грамота содержит следующую информацию относительно освящения храма в обители: *«Что еси прислал ко мне свою грамоту, прося святого антиминос, на священие Божьей церкви, и труды полагаю о Христе хотя, святую обитель составляя и яже о Христе братию собирая. <...> И святой антиминос есмь послал на освящение той Божьей церкви...»* (АИ, 1841, 486; РИБ, 1880, 488–489).

Из нее ясно, что инициатором освящения церкви в монастыре являлся действующий от лица братии создатель монашеской обители — прп. Павел. Санкцией епископа на совершение священником чинопоследования освящения церкви и дальнейшее совершение в ней богослужений был антиминос, посылаемый братии от его имени.

Следующая по времени создания храмозданная грамота, известная в настоящее время, относится лишь к концу XVI в. и происходит из комплекса храмозданных грамот Соловецкого монастыря. Эта храмозданная грамота была выдана 13 марта 1590 г. новгородским митрополитом Александром (1576–1591)² для освящения в Сумском остроге реконструированной церкви Николая Чудотворца, а также пристроенной к ней в качестве придела перенесенной туда из другого места церкви во имя Успения Божией Матери (ААЭ, 1836, 418–419; ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 38–39). Грамота подробно описывает весь процесс реконструкции церквей, а также дает указания литургического характера, касающиеся освящения и закладки этих храмов. Такие указания имеются и в более поздних храмозданных грамотах, относящихся к XVII в.

Из документа следует: если на месте предполагавшегося строительства уже стояла обветшавшая церковь, подготовка к постройке нового храма начиналась с разборки старого церковного здания. В связи с этим митр. Александр давал сумскому священнику Максиму инструкции относительно старых антиминосов этих храмов, а также места, на котором ранее стояла Успенская церковь: *«Старые антиминосы тех престолов выспод, а новые антиминосы поверх старых антиминосов. <...> А где стояла церковь теплая с трапезою Успения Пресвятыя Богородицы за острогом, и ты б на том месте против престола на земле велел поставить крест да оградю оградить, чтоб к тому месту никакая нечистота не касалась»* (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 39).

Подобное этому предписание относительно разборки старого храма, а также сохранения места, на котором ранее стояла церковь, содержится в грамоте холмогорского

² Здесь и далее в скобках указаны годы управления архиереем епархией.

архиепископа Афанасия, писавшего архим. Фирсу в 7198 (1690) г.: «В старой церкви с престола индития и срачица снять и иконы образь и олтарь разобрать, и тот церковной лес вывезть в поле и предать огню, а на престольном месте поставить обруб и покрыть, а наверху поставить крест» (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 253).

Итак, кроме наставления относительно обустройства места бывшего престола в этой грамоте мы также находим указание относительно утилизации «церковного леса» — строительного материала, оставшегося при разборке старой церкви. Если по какой-либо причине его не удавалось использовать в строительстве новой церкви, его сжигали «в поле» — на открытом месте. Однако сжигание всех не востребованных для нового строительства старых материалов разобранной церкви практиковалось не всегда, о чем свидетельствуют другие документы. Наряду со сжиганием имела место практика складирования оставшихся материалов в специально охраняемом от осквернения месте, что видно из других документов.

Еще более подробно процесс разборки старого церковного здания описан в грамоте новгородского митрополита Киприана от 7139 (1631) г.: «А старой храм, которой ныне тут стоит, велеть разобрать, да что из того старого храма лесу к новому храму на поделку пригодитца и тот лес к новому храму на поделку имати. А что того старого лесу у нового храма за поделкою останетца, и тот лес вывезти на поле и склать в чистем месте, чтоб тут никто не ходил, и нечистоты никакой не прикасалоса, или его складчи в одно место огнем спалити. А антимисы старых престолов велеть в новых престолех под досками заделатъ в десные столбцы от восточной страны, вытесав ящичками, и заделатъ, велеть накрыть досками по прежнему» (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 73–73 об.).

Таким образом, если новая церковь строилась не на том же месте, что и старая, место, где ранее стоял алтарь, должно было сохранить от осквернения, каковым считалось попирание (топтанье ногами человека или животного). С этой целью освященное место предписывалось оградить, а на месте церковного престола устанавливать крест, напоминающий христианам о прежнем храме и святости совершавшегося здесь таинства Евхаристии. Очевидно, что это предписание было традиционным, о чем свидетельствует разница в сто лет во времени составления грамот митр. Александра и архиеп. Афанасия, содержащих это предписание.

Основание для такой практики находится еще в ответах митрополита Киевского Иоанна II черноризцу Иакову, каноническом памятнике XI в.: «Идеже, якоже рече, поставляются древяны церкви, и ины на том месте не поставляются, место в нем же олтарь, идеже таина творящеся, оградити и неприкосновенно хранити, яко свято и честно, егда не от мужа священъе приимаху, и нечестне святая попираются» (РИБ, 1880, 5–6).

О необходимости ограждения места, где находился алтарь разобранного храма, в послании митр. Зосиме в 1490 г. писал и архиепископ новгородский Геннадий. Святитель выражал свое возмущение тем, что попусшением митрополита и великого князя алтарные места упраздненных в ходе перестройки Москвы храмов не были огорожены и оскверняются животными: «А где священник служил, руки умывал, и то место бывает непроходно же; и где престол стоял да и жертвенник, и те места непроходны же. А ныне те места не огорожены, ино собаки на те места ходят и всякой скот» (РИБ, 1880, 774).

Что касается рекомендации храмозданной грамоты новгородского митрополита Киприана использовать материалы, оставшиеся в ходе разборки старой церкви, для строительства нового храма, а также его же предписания сжигать материал, оставшийся неиспользованным, основание для него находится и в богослужебных книгах этого периода, например в Большом Потребнике 1623 г. Кроме уже упомянутого правила митрополита Киевского Иоанна Потребник содержит «разсуждение» патр. Филарета Никитича, касающееся использования оставшихся после разборки старой деревянной церкви материалов: «По разсуждению святейшаго патриарха кир Филарета Московского и всея Руси. Обетшавшия святыя церкви бревна, и прочая церковная

елика быша в создании церковнем. Паки достоин елика угодна к созиданию новыя церкви от обетшавшая взимати, и полагати в новую церковь бревна и дъски и прочая елика потребна. А изгнившая церковнаго здания бревна или дъски, или ино что от здания, то в сохранне месте сожещи. И попел всыпати в реку, да не будут святая в поприание» (Потребник, 1887, 3–4 об.).

По-видимому, источником для «разсуждения» патр. Филарета стало послание митрополита всея Руси Фотия псковскому духовенству от 12 августа 1419 г. Указания митр. Фотия относительно оставшихся от старых церковных зданий строительных материалов в основном совпадают с указаниями «разсуждения»: *«А церкви ветхия и кровли их, аще не суть доволни не на кую потребу к самой той церкви, а не к иному устройению потребни, съжещи таковаа, и пепел их всыпати в текущую воду, да не осквернит ся святое небрежения ради или скота»* (РИБ, 1880, 411).

Таким образом, порядок разборки старых церковных зданий, зафиксированный в храмозданных архиерейских грамотах Соловецкого монастыря, детально соответствовал предписаниям высшей церковной власти. Примечательно, что в позднейших требниках, изданных после книжной справки XVII в., ни правило митр. Иоанна II, ни «разсуждение» патр. Филарета более не публиковались (Требник, 1658, 1680, 1689), однако даже в храмозданной грамоте архиепископа Холмогорского Афанасия, составленной в 1690 г., эти требования повторяются, что еще раз подчеркивает их глубокую традиционность.

Важнейшим литургическим моментом храмозданных грамот митрополитов Новгородских Александра и Киприана являются инструкции относительно хранения и использования старых церковных антиминсов. Согласно грамоте митр. Киприана, во время освящения нового храма антиминсы со старых престолов нужно было положить *«выспод, а новые антимисы поверх старых антимисов»*. В свою очередь, митр. Киприан предписывал сделать для них специальный ящик в одном из столпов нового престола и накрыть сверху престольной доской.

Как показал в своем замечательном труде «Об антиминсах Православной Русской Церкви» прот. Константин Никольский, оба способа хранения старых антиминсов были широко распространены в Русской Церкви в XVI–XVII столетиях. Согласно его наблюдениям, старые антиминсы продолжали хранить под срачицей новых престолов или в специальных ящиках до 1735 г., когда указом Святейшего Правительствующего Синода было предписано *«отбирать от церквей ветхия антиминсы и в архиерейския и соборныя ризницы для хранения»* [Никольский, 1872, 106].

Однако архиерейские грамоты из Соловецкого архива свидетельствуют, что в некоторых епархиях практика изъятия старого антиминса зародилась ранее XVIII в. Так, согласно грамоте холмогорского архиепископа Афанасия, в Колежемском Усолье 3 февраля 7190 (1682) г. сгорела церковь сщмч. Климента с приделом прпп. Зосимы и Савватия. После случившегося пожара монастырские власти обратились к новгородскому митрополиту Корнилию за благословением на постройку нового храма. Митрополитом для постройки церкви были выданы храмозданная грамота и антиминс. Однако, когда церковь была построена, Соловецкий монастырь и его вотчины были переведены в новосозданную Холмогорскую епархию. В связи с этим соловецкому архимандриту Илариону с братией пришлось еще раз просить архиерейского благословения на освящение нового храма — уже у архиепископа холмогорского Афанасия. Архиепископ благословил освятить храм и дал для освящения новый антиминс, а выданный митр. Корнилием антиминс приказал забрать в архиерейскую казну: *«А прежную преосвященнаго митрополита грамоту и антимис взять в нашу казну, а вместо того антимиса дать новой антимис»* (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 235 об.).

На наш взгляд, изменение практики хранения старых антиминсов непосредственно связано с церковной реформой патр. Никона и книжной справой 2-й пол. XVII столетия. Указания о том, что старые антиминсы нужно хранить в столбце в новом престоле, содержатся в дореформенном Потребнике патр. Иосифа 1651 г.: *«Аще ли же будут святыя мощи старыя первыя церкви, еже есть антимисы, прежде*

положения престольных доски на столбцы полагает их в столбце, иже посреди святыя трапезы уставлен, в нем же место учинено бывает святым мощем. Аще ли будут 4 столбцы, поддерживающе святыю трапезу, сотворяют место святым мощем на 4 углу, иже на восток стоящем столпце. Се же сотворяем аще будут быти старыя церкви церкве первыя святыя мощи» [Никольский, 1872, 105]. Однако в издававшихся после книжной sprawy требниках это указание уже не воспроизводилось [Никольский, 1872, 105], в связи с чем, по-видимому, и возникла новая практика хранения старых антиминсов в архиерейской казне.

Еще один интересный факт, касающийся антиминсов, содержится в другой грамоте Соловецкому монастырю холмогорского архиепископа Афанасия от 7204 (1696) г.: «Писали вы к нам, преосвященному, в монастырских де в ваших вотчинах в Яренской, да в Лименской, да в Керецкой волостях в церквах антимисов нет, а служат де в тех церквах на старых литонах. И мы слушав тое вашу отписку указали к вам из нашей казны в те церкви послать освященные три антимиса впрядь» (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 282–282 об.). Отсутствие антиминсов в указанных в грамоте храмах видится нам маловероятным. Местоположение антиминса на престоле, как и его внешний вид, в XVII в. претерпели значительное изменение. Вероятно, антиминсы в этих храмах, согласно дореформенной практике, были пришиты к срачице престола [Желтов, Попов, 2001, 490], в свою очередь, поверх индитии на престоле лежал лишь илитон, на котором и совершалась Евхаристия.

Прямое указание на то, что антиминсы должны полагаться на престоле непосредственно под Евангелием, а не пришиваться к срачице, находится в книге деяний Большого Московского Собора 1666–1667 гг. в главе пятой, непосредственно посвященной чину освящения храма священником: «И по входной молитве внидет со священным антимисом во святыи олтарь и поставляет его на святыю трапезу, ничеюже глаголя. <...> Священник поставляет священное евангелие на святом антимисе» (Деяния, 1876, 339). Таким образом, старая практика пришивания антиминса к престольной срачице в ходе церковной реформы стала считаться неправильной, а нахождение под Евангелием на престоле лишь илитона стало восприниматься как отсутствие на престоле антиминса.

Примечательно, что отсутствие антиминсов пореформенного образца в указанных в грамоте архиеп. Афанасия храмах соловецких вотчин было замечено монастырским начальством лишь в 1696 г., т. е. спустя почти 30 лет после их официального введения. Этот факт, безусловно, свидетельствует о том, насколько долго в Русской Церкви, в особенности в условиях Русского Севера, приживались новые пореформенные традиции и практики.

После разборки старого церковного здания храмоздатели приступали к заготовке материалов для постройки нового. Если предполагалось строительство деревянной церкви, в архиерейских благословенных грамотах этот процесс обыкновенно описывался следующими словами: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б на тот храм и на предел велел лес ронить и всякой церковной запас готовить» (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. № 12, 41, 44, 50, 69, 70, 210, 216). В случае если строился каменный храм, предписывалось «к тому церковному каменному строению кирпич, и камень, и всякие припасы готовить» (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 252 об.).

После того как все приготовления завершались, священник совершал молебен с каноном святому или празднику, в честь которого строилась церковь, и освящением воды (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. № 10, 44, 50, 69, 70, 210). Кроме архиерейских храмозданных грамот предписания об этом находятся в «Чине бываемом основанию церкви», входящем в состав дореформенных печатных Потребников (Потребник, 1887, Л. 1–1 об.). Примечательно, что в издававшихся после церковной реформы богослужебных книгах нет указания о том, что на закладке нового храма нужно петь молебен, освящать воду и кропить ею место будущего строительства (Требник, 1658, 1680, 1689). В архиерейских храмозданных грамотах пореформенного периода, сохранившихся в архиве Соловецкого монастыря, это требование также более не встречается.

Однако в некоторых епархиях указание о совершении молебна с освящением воды на закладке храма продолжало даваться и в пореформенный период. Например, в грамоте митрополита Ростовского и Ярославского Ионы 27 февраля 1672 г. священнику предписывается: «И на основание той церкви говорил бы ты молитвы и тел молебны и воду святити и святою водою то церковное место кропит» [Черкасова, 2005, 145]. Причиной несогласия пореформенного требника и указаний, содержащихся в грамоте митр. Ионы, по-видимому, является формуляр (шаблон) храмозданной грамоты первой половины XVII в., продолжавший употребляться в епархии в пореформенный период. Доказательством этому являются грамоты митрополита Ростовского и Ярославского Варлаама 1643 и 1645 гг., в которых указания о совершении молебна и освящения воды полностью совпадают с грамотой митр. Ионы [Черкасова, 2005, 141–145].

После того как антиминс был доставлен, священник мог приступить к освящению храма. Согласно архиерейским грамотам, сохранившимся в архиве Соловецкого монастыря, освящение храмов в обители и ее вотчинах обыкновенно поручалось архиереем самому соловецкому игумену (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. № 44, 70, 127, 221, 237, 243, 252, 299, 309) и гораздо реже другим священникам (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. № 10, 41, 44, 210), при этом чин освящения предписывалось совершать «соборне с диаконом» (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. № 41, 44, 70, 210, 237, 252). Вероятно, это предписание обусловлено особой торжественностью события и сложностью совершения чина освящения храма.

Интересной литургической традицией, отразившейся в архиерейских благословенных грамотах, является практика служения в новоосвященной церкви Божественной литургии каждый день в течение шести недель. Если у храма был придел, то освящать его дозволялось лишь по прошествии этого срока, после чего в течение шести недель литургия совершалась уже в приделе.

Предписание об этом находится в шести архиерейских грамотах из соловецкого архива (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. № 10, 44, 50, 69, 70, 210). Самое раннее упоминание об этой литургической традиции содержится в грамоте новгородского митрополита Александра к сумскому священнику Максиму, составленной 13 марта 7098 (1590) г. (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 39), наиболее позднее находится в грамоте новгородского митрополита Афония от 7153 (1645) г. (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 98 об.).

Корни традиции служения Божественной литургии в новоосвященной церкви в течение шести недель, по-видимому, следует искать в византийской литургической практике. Например, евхологий Великой Церкви, перевод которого на церковнославянский язык был осуществлен в конце XIV в. книжниками круга митрополита Всея Руси Киприана, в этом случае предписывает служение литургии в течение семи дней: «Даже убо до свершения днии 7 на всякий день в таковой церкви служба свершается» (Афанасьева, Козак, Мольков, Шарихина, 2019, 220).

На основании сохранившихся архиерейских храмозданных грамот можно судить о том, что практика шестинедельного служения Божественной литургии после освящения храма была распространена не только в Новгородской епархии, но и за ее пределами. Свидетельством этому является сохранившаяся в соловецком архиве грамота митрополита Ростовского и Ярославского Варлаама, посвященная освящению храма Сретения Господня в Красноборском погосте в 7150 (1642) г. (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 222 об.) Известны также и другие грамоты ростовских митрополитов Варлаама и Ионы, содержащие это требование [Черкасова, 2005, 141–146; Лифшиц, 2010, 342–343].

Примечательно, что в конце XVII столетия эта практика была вытеснена новой. Архиепископ Холмогорский Афанасий в 7203 (1695) г. писал соловецкому архимандриту Фирсу об освящении церкви Сретения Господня и придела прпп. Зосимы и Савватия в Колежемской волости: «А освящать тебе те церкви не во одно время, а чрез день» (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 269 об.). Таким образом, служение в освященном храме

в течение шести недель более не предписывалось, а временной промежуток между освящением основного храма и придела сократился до одного дня.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об использовавшихся во время освящения храма богослужебных книгах. Указания об этом появляются в архиерейских храмозданных грамотах достаточно поздно. Все сохранившиеся в архиве Соловецкого монастыря грамоты, имеющие такие указания, относятся ко времени управления Холмогорской епархией архиеп. Афанасием (1682–1702). Во всех случаях архиерей предписывал освящать храмы по книгам, содержащим редакцию чинопоследования освящения храма, оформившуюся в результате церковной реформы и книжной справки XVII столетия (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. № 221, 243, 252, 255, 256). Например, в грамоте соловецкому архимандриту Фирсу от 7202 (1694) г. архиеп. Афанасий предписывал освятить церковь во имя прпп. Зосимы и Савватия в Лямецкой волости *«по исправному нынешних выходов требнику или по чиновнику малым освящением»* (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 266–266 об.). Данное требование продолжало повторяться в архиерейских храмозданных грамотах и в XVIII столетии. Так, в 1751 г. архиепископ Архангелогородский и Холмогорский Варсонофий предписывал освятить храм Святой Троицы в Сорочком селе *«по новоисправленному чиновнику»* (ОР РНБ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Л. 324–324 об.).

Таким образом, храмозданные (благословенные) архиерейские грамоты Соловецкого монастыря содержат богатый материал литургического характера, позволяющий реконструировать практику снесения ветхих и строительства новых церквей, а также их освящения, имевшую место в Русской Церкви в XVI–XVII вв. В свете указаний архиерейских храмозданных грамот процесс разборки ветхой церкви, как и строительство новой, имел целый ряд сакраментальных действий, обязательных для выполнения клириками и строителями храма. Перенесение в другое место старой деревянной церкви предусматривало сохранение святости и неприкосновенности ее прежнего места, особенно алтарной части. При этом место престола защищалось от осквернения посторонними людьми или скотом специальной оградой и отмечалось установлением креста. Строительный материал разобранной церкви непременно использовался в создании новой, что символизировало духовное преемство между старым и новым храмом. Однако невостребованная часть материала также носила на себе печать освящения и не могла быть использована для мирского строительства. Чаще всего освященный «церковный лес» утилизировался путем сжигания в открытом поле, в иных случаях складировался в чистом и недоступном месте, где со временем разрушался естественным путем. Антиминсы старого храма не подлежали уничтожению. Они также символизировали благодатное преемство двух церковных зданий и переносились в новостроенную церковь, где вкладывались в специальные ящики, устроенные в престоле, или пришивались к срачице под новым антиминсом. Строительство новой церкви предварялось совершением чина закладки с водосвятным молебном и пением канона храмовому святому или празднику. После завершения строительства церкви игумен монастыря обращался к архиерею с просьбой прислать новый антиминс и благословить освящение церкви. Освящение нового храма в Соловецкой обители или в ее вотчине становилось большим церковным торжеством. Чин освящения главного престола обычно совершался соборно самим соловецким игуменом. После освящения церкви в ней совершался сорокоуст — служение Божественной литургии на главном престоле каждый день в течение шести недель. Только после этого разрешалось освящать другие приделы храма. Эта практика является выражением исключительно русской богослужебной традиции, так как не отражена в церковных богослужебных книгах. Однако в конце XVII в. эта практика была вытеснена новой традицией, разрешавшей освящать приделы без сорокоуста, через день после освящения главного престола. Литургические указания храмозданных грамот восходят к ранним документам, изданным до патриаршего периода, и содержательно в основном соответствуют богослужебным книгам.

Источники и литература

Источники

1. ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки Ф. 117. Оп. 1. Д. 20/1479. Копийная книга архиерейских грамот Соловецкого монастыря.
2. Деяния (1876) — Деяния собора 1666–1667 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1876. Т. 2.
3. АИ (1841) — Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1.
4. РИБ (1880) — Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6.
5. Сборник (1914) — Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской епархии. Вятка, 1914.

Литература

6. Афанасьева, Козак, Мольков, Шарихина (2019) — *Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Шарихина М. Г.* Евхология Великой Церкви в славяно-русском переводе конца XIV века. Исследование и текст. М.; СПб., 2019. 400 с.
7. Барсуков (1883) — *Барсуков А. П.* Род Шереметевых. 1883. Т. 3. 559 с.
8. Барсуков (1884) — *Барсуков А. П.* Род Шереметевых. 1884. Т. 4. 456 с.
9. Бусева-Давыдова (1989) — *Бусева-Давыдова И. Л.* Символика архитектуры по древнерусским письменным источникам XI–XVII вв. // Герменевтика древнерусской литературы XVI — нач. XVIII в. М., 1989. С. 279–308.
10. Желтов, Попов (2001) — *Желтов М., свящ. Попов И. О.* Антиминс // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 489–492.
11. Заграевский (2017) — *Заграевский С. В.* К вопросу о запрете патриарха Никона на строительство шатровых храмов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 3. С. 33–44.
12. Ильин (1959) — *Ильин М. А.* Каменное зодчество третьей четверти XVII века // История русского искусства. М., 1959. Т. 4. С. 153–216.
13. Леонид Кавелин (1876) — *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем оного архимандритом Леонидом. М., 1876. С. 746–756.
14. Лифшиц (2010) — *Лифшиц А. Л.* «И постави церковь». О строительстве и освящении храма в Древней Руси // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 341–344.
15. Никольский (1872) — *Никольский К., прот.* Об антиминсах Православной Русской Церкви. СПб., 1872.
16. Покровский (1885) — *Покровский Н. В.* Древности костромского Ипатьевского монастыря // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. Вып. 4. СПб., 1885. С. 1–34.
17. Полознев (2007) — *Полознев Д. Ф.* Патриарх Никон шатровых храмов не запрещал, или Ещё раз о пользе обращения к источникам // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции. 2007 г. Ростов, 2008. С. 6–27.
18. Султанов (1887) — *Султанов Н. В.* Русские шатровые церкви и их отношение к грузино-армянским пирамидальным покрытиям // Зодчий. 1887. № 9–10. С. 66–71.
19. Фёдорова (2005) — *Фёдорова О. А.* Храмозданные грамоты и проблема истории шатровых храмов в XVII веке // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 2005. Вып. 9. С. 225–235.
20. Черкасова (2005) — *Черкасова М. С.* К изучению церковного строительства в Ростовской митрополии в XVI–XVII вв. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2005. Вып. 15. С. 132–146.